

УДК 1 (091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.084

СЛУЧАЙНО ЛИ «СХОДСТВО» ВЗГЛЯДОВ В.С. СОЛОВЬЕВА И Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО?

А.А. Черных^{1,2}

¹ ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург.

² ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург

Рассматривается вопрос о сходстве эстетических теорий В.С. Соловьева и Н.Г. Чернышевского. Отмечается, что эстетические воззрения Соловьева и Чернышевского подробно изучены в научной литературе, но вопрос об основаниях сходств их воззрений не исчерпан. Проводится историко-философская реконструкция взглядов мыслителей, анализируется их взаимоотношения и оценка учений друг друга. Рассматривается категория «жизнь» как онтологическо-эстетическое понятие, на основании которого возможно сопоставление воззрений русских философов. Философия Соловьева рассматривается как религиозный дуализм, в рамках которого человеческое творчество подчиняется абсолюту, а философия Чернышевского рассматривается как материалистический монизм, в рамках которого обосновывается свобода человеческого творчества, согласующаяся с детерминизмом. Отмечается своеобразный метод критики Соловьевым его оппонентов, предполагающий нахождение «истинного» содержания в их концепциях, которое в итоге противопоставляется всей системе их взглядов в целом. Этот метод используется Соловьевым для критики позитивизма О. Конта, концепции сверхчеловека Ф. Ницше и т. д., он же используется и для критики материалистической эстетики Чернышевского. Делается вывод, что Соловьев признает ценность отдельных идей эстетической теории Чернышевского только в качестве этапа развития «истинной эстетики», которая обосновывается философией всеединства. Делается вывод, что сходство между воззрениями Чернышевского и Соловьева является формальным, однако оно не случайно, поскольку тезис о совпадении их взглядов – это результат соответствующей интерпретации, проделанной Соловьевым для того, чтобы тем самым лучше обосновать истинность собственных взглядов.

Ключевые слова: русская философия, В.С. Соловьев, красота, прекрасное, всеединство, дуализм, Н.Г. Чернышевский, приговор действительности, общеинтересное, монизм.

Неоднократно отмечавшееся в историко-философской литературе сходство эстетических воззрений двух стоявших на диаметрально противоположных позициях русских философов – Н.Г. Чернышевского и В.С. Соловьева – до сих пор не получило удовлетворительного объяснения.

Между тем, очевидно, что это сходство не может быть понято как совпадение собственно эстетических взглядов обоих мыслителей; скорее всего, рассуждения о красоте и об искусстве имеют в данном случае другой, совсем не эстетический статус и должны быть рассмотрены в более широком контексте.

Среди работ современных историков философии, посвященных эстетической теории Соловьева, можно назвать исследования Н.А. Кормина [10], В.В. Бычкова [3], Л.С. Ершовой [5; 6], Н.П. Крохиной [12], Л.Н. Зориной [7], М. Матсар [14], Э. Петер [31] и др.

Научное изучение эстетики Чернышевского началось в 1897 г., когда вышла статья Г.В. Плеханова [16]. В советское время было написано немало работ о философии Чернышевского, в том числе о его эстетической теории. Прежде всего следует выделить исследования А.А. Баженовой [1], Г.Г. Шпета [30] и особенно Г.А. Соловьева [23].

Среди работ о Чернышевском, вышедших в последнее время, стоит отметить монографию В.К. Кантора [8], в которой на фоне философско-биографического исследования по-новому трактуются его идеи, а также затрагиваются вопросы эстетической теории.

Сходства и различия эстетических позиций двух мыслителей исследовались в работах Е.А. Короткиной [11], А.И. Мазаева [13], Л.А. Когана [9] и др. Однако даже при наличии таких исследований вопрос остается открытым и требует дальнейшего обсуждения.

На основании научных исследований и первоисточников [19; 20; 25; 28; 29] с очевидностью можно заключить, что позиции Соловьева и Чернышевского формируются в рамках различных мировоззренческих систем. Если Соловьев строит свою эстетику в первую очередь на христианском учении, то Чернышевский опирается более всего на искания В.Г. Белинского и материализм Л. Фейербаха. Тем не менее в работе «Первый шаг к положительной эстетике» Соловьев выражает «некоторое заступничество за Чернышевского», указывая на сходство своей эстетической теории с его пониманием красоты и искусства. С нашей точки зрения, это обстоятельство требует специального историко-философского объяснения.

Вопрос следует поставить следующим образом: имеет ли место действительное сходство эстетических позиций Соловьева и Чернышевского или это всего лишь случайное совпадение? Исходя из того, что мыслители придерживались противоположных взглядов и отстаивали их последовательно и решительно, следовало бы заключить, что совпадение их эстетических теорий чисто формальное. Однако в этом случае не совсем понятно, почему именно Соловьев обращает внимание на это сходство и трактует его как «первый шаг к положительной эстетике».

Как известно, русская философия в XIX в. развивалась в формате полемики между философскими «партиями». Соловьев и Чернышевский принадлежали к противоположным «партиям», что и отразилось на их эс-

тетических воззрениях. «Положительная» эстетика Соловьева вытекала из разработанной им философии всеединства, которая мыслилась как итог эволюции европейской метафизики и христианской мысли, а эстетика Чернышевского представляла собой вывод из философии материализма в целом и антропологии Л. Фейербаха в частности.

Соответственно, в эстетике Соловьева красота признавалась божественной идеей, которая эманурует, создавая тем самым прекрасные вещи и явления. При этом утверждалось, что красота онтологически выше прекрасного. А человеческое творчество, будучи производным от творения (твари), понималось как находящееся на более низкой ступени в онтологической иерархии. Это обстоятельство не меняется от того, что Соловьев признает за человеком возможность со-творения через искусство.

В эстетике же Чернышевского нет абсолюта. Изначально дано только материальное единство природы, т. е. монистическое устройство мира, в котором существует лишь одна субстанция – материя. С одной стороны, красота в эстетике Чернышевского объективна, поскольку «прекрасное есть жизнь», т. е. нечто существующее в действительности. С другой, человек как живое существо является субъектом, который в соответствии со своим пониманием жизни и пользы познает явления в качестве прекрасных или безобразных.

Свобода как неперемное условие творчества трактуется у Соловьева и Чернышевского по-разному. В системе Соловьева человек формально свободен, если находится в единстве с общностью людей, в которой все члены составляют единство. Такая свобода реализуется не только и не столько через собственную индивидуальность человека, сколько через посредство Софии и Бога. В системе Чернышевского индивид свободен, когда он действует не на основе категорического императива или других внешних условий, а исходя из субъективных желаний, реализация которых предполагает познание и признание объективных законов. Соответственно, Соловьев понимает свободу творчества человека как осознанное выполнение им воли Бога, а Чернышевский настаивает на том, что по-настоящему свободное творчество должно быть исключительно творчеством самого человека.

В данном контексте любопытно вспомнить отношение Чернышевского и Д.И. Писарева к полемике с П.Д. Юркевичем об антропологическом принципе [32], тем более что Юркевич оказал влияние на образ мыслей Соловьева. Чернышевский утверждает, что не видит смысла в споре с выпускником семинарии, т. к. аргументация Юркевича ему, как бывшему семинаристу, заранее известна [27, с. 725–726]. К тому же, Чернышевский считает себя «настолько выше мыслителей школы г-на Юркевича» [27, с. 773], что точка зрения Юркевича о его философии не представляет для него интереса.

Писарев, как последователь Чернышевского, созвучно утверждает: «...не вижу ни малейшей точки соприкосновения между мыслями

г. Юркевича и моими собственными идеями» [15, с. 301]. Но в отличие от любившего иронизировать Чернышевского, Писарев четко формулирует причину, по которой «нигилисты» и материалисты избегают полемики с идеалистом. Логично, что без общего фундамента диалог невозможен. Спор же о частностях не только лишен смысла, но и просто невозможен.

Тем не менее, Соловьев указывает на сходство своей эстетической позиции с взглядами Чернышевского. По Соловьеву, в основе их эстетических учений лежит одна и та же идея – идея жизни. Прекрасное, во всяком случае в органической природе, наблюдается там, где имеет место полнота жизни. Нельзя не согласиться с тем, что в общем виде это положение встречается как у Соловьева, так и у Чернышевского. Но для того, чтобы судить о сходстве их воззрений, нужно разобраться с тем, какое содержание они вкладывают в понятие «жизнь».

И Чернышевский, и Соловьев смотрят на жизнь как на основную категорию эстетики, через которую определяются красота и прекрасное. Но расхождения начинаются в тот момент, когда необходимо дать определение «жизни».

По Соловьеву, красота как свет проявляется в неодушевленной природе непосредственно, а в органической – свет предстает в виде *жизни*. Т. е. свет как субстанция красоты овеществляется в органической природе в качестве жизни [19, с. 46].

Чернышевский же связывает понятие жизни с тем, что в 1860 г. он определит как антропологический принцип [26, с. 226–228]. Смысл антропологического принципа, по Чернышевскому, заключается в применении монизма к человеческой природе. Т. е. и жизнь и красота (прекрасное) в его философской системе являются не эманациями абсолюта, а самостоятельными сущностями (если говорить о конкретных проявлениях жизни и красоты).

В зародыше эта мысль присутствует уже в «Эстетических отношениях искусства к действительности». В качестве выводов магистерской диссертации приведены 17 тезисов, которые можно условно поделить на несколько тематических групп: прекрасное и жизнь (1–3), возвышенное и трагическое (4–8), объективная действительность и ее копирование (9–11), причины возникновения и сущность искусства (12–17). Тезисы, входящие в каждую из групп, составляют между собой некоторое единство.

Из 17 тезисов Соловьев принимает только следующие положения: «1) существующее искусство есть лишь слабый суррогат действительности, и 2) красота в природе имеет объективную реальность» [21, с. 77]. С рядом оговорок можно было бы сказать, что первое положение соотносится с тезисом 9, а второе – с тезисами 2 и 3. Но разделять 2 и 3 тезисы с 1 тезисом, значит вырывать мысль из контекста.

По сути, первая группа тезисов представляет собой изложение монистического принципа так называемым эзоповым языком. И друг без друга эти тезисы не опровергают монизм и тем более не служат доказатель-

ством положений эстетики Соловьева, а становятся всего лишь незаконченной мыслью.

Смысл первых трех тезисов примерно следующий. Чернышевский оспаривает взгляд на прекрасное как на отражение абсолюта в индивидуальном явлении, как это имеет место в эстетике Гегеля или Соловьева. Понятие «прекрасное» связывается с жизнью, но не сводится к проявлению *идеи* красоты, т. к. Чернышевский отвергает дуализм в пользу монизма. А понятие «жизнь», по Чернышевскому, следует трактовать не как воплощение света (в духе религиозной философии), а в ключе антропологического материализма, близкого естественнонаучному материализму.

С первым положением, которое соотносится с 9 тезисом, дело обстоит несколько сложнее. Говоря о «существующем искусстве», Соловьев подразумевает, что в дальнейшем искусство будет развиваться и по итогу сольется с религией, а человек вполне реализует себя как «сотворец» мира. Чернышевский же в 12 тезисе прямо опровергает связь между зарождением искусства и потребностью в «восполнении недостатков» объективной действительности. Также в 10 тезисе он пишет, что прекрасное в природе «вполне прекрасно».

Рассматривая эти положения в качестве «первого шага» к «положительной» эстетике, Соловьев разрывает их со многими элементами эстетической и философской системы Чернышевского, в том числе с теми, из которых эти положения логически выведены. Иными словами, Соловьев берет только часть идей Чернышевского, причем вне контекста материалистической эстетики, и переносит их в свою систему эстетики.

В частности, показательное отношение Соловьева к Фейербаху. Чернышевский считал Фейербаха своим учителем и ставил ему в заслугу появление у себя мыслей, положенных в основание «Эстетических отношений...». Другими словами, без антропологического материализма Фейербаха не было бы эстетики Чернышевского, а значит, и «первого шага». Соловьев же утверждает, что «философский кругозор» Чернышевского был «стеснен» философией немецкого мыслителя [21, с. 77].

Известно, что Чернышевский в возрасте около 20 лет стал фейербахианцем, впервые познакомившись с текстом «Сущности христианства» [24, с. 47]. В 1855 г., на 27 году жизни, он защитил магистерскую диссертацию. Нет оснований полагать, что в промежуток времени между первым чтением сочинения Фейербаха и защитой диссертации воззрения Чернышевского существенно изменились, тем более что это не зафиксировано в исследовательской литературе. Соответственно, мысли, изложенные в «Эстетических отношениях...», не только органично согласуются с философией Фейербаха, но и представляют собой развитие этой философии. В пользу данного утверждения убедительно свидетельствуют два обстоятельства. Чернышевский в предисловии к третьему изданию диссертации признал, что его эстетические идеи продиктованы влиянием Фейербаха [28]. Кроме того, крупный исследователь эстетики Чернышевского

Г.А. Соловьев отметил, что источник представлений о прекрасном у Чернышевского и источник представлений о боге у Фейербаха один и тот же – реальность, представленная человеком [23, с. 65].

В контексте антропологического материализма даже положения об искусстве как о суррогате действительности и об объективности красоты оказываются несовместимыми с эстетикой Соловьева. Отчетливо понимая это, Соловьев извлекает соответствующие тезисы из контекста философской системы Чернышевского, мотивируя это тем, что Чернышевский не понял смысла выраженной им мысли: «...собственное объяснение автора неудовлетворительно» [21, с. 76–77]. Уместно будет провести аналогию с тем, что Белинский в свое время говорил молодому Достоевскому о его таланте, обращая внимание на то, что писатель не всегда может понять смысл своих же гениальных произведений [4, с. 30–31]. Однако нет прямого соответствия между литературным критиком и писателем, с одной стороны, и двумя философами разных философских «партий», с другой. Если писатель не претендует (во всяком случае, зачастую) на философское значение своих произведений, но за критиком остается право обнаружить это значение, то философ, напротив, не может не претендовать на философское значение своих сочинений, а потому интерпретация его произведений становится не столько толкованием первоисточника, сколько изложением взглядов самого интерпретатора.

Можно сделать вывод о том, что Соловьев, критикуя эстетическую теорию Чернышевского, оспаривает фундамент этой теории, и делает это двояким образом: с одной стороны, он отвергает то, что считает неправильным, а с другой, соглашается с теми идеями, истинное содержание которых он проясняет исходя из своей позиции. Таким образом, «первый шаг» на пути к «положительной эстетике» – это заслуга не столько Чернышевского, сколько Соловьева. И если это так, то тогда «точка соприкосновения» между эстетическими учениями Чернышевского и Соловьева оказывается мнимой, если рассматривать ее с позиции антропологического материализма Чернышевского, однако с точки зрения философии всеединства Соловьева эта «точка соприкосновения» действительная. Иными словами, картина принципиально меняется в зависимости от оптики, которую мы выбираем.

Вообще поиск положительного содержания во всех, даже «отрицательных» явлениях и учениях (таких, например, как позитивизм и социализм), – это широко используемый Соловьевым метод критики. Можно вспомнить в связи с этим эволюцию истолкования Соловьевым «сверхчеловека» Ф. Ницше. Когда немецкий мыслитель стал набирать популярность в России, Соловьев отреагировал на это, написав статью «Словесность или истина?» (1897) [22], в которой полностью отказал учению Ницше в каком-либо философском значении и иронично назвал его «сверхфилологом», а его идею сверхчеловека – «кафедрой на филологическом факультете». Однако через некоторое время, когда стало понятно, что с влиянием Ницше на русскую философию придется считаться всерьез,

Соловьев пишет другую, отличающуюся по общему тону и конечным выводам статью – «Идея сверхчеловека» (1899) [17]. Продолжая критиковать концепцию «сверхчеловека» Ницше, русский философ, по крайней мере, ставит ее выше, чем «экономический материализм» К. Маркса и «отвлеченный морализм» Л. Толстого. Разбирая учение Ницше «с хорошей стороны», Соловьев отделяет зерна от плевел и в результате обнаруживает подлинное содержание идеи сверхчеловека, а именно, что она, по сути, является «первым шагом» к учению о Богочеловечестве. В такой интерпретации философия Ницше оказывается значительной, но лишь потому, что ведет к философии Соловьева. Сам Соловьев предстает как бы русским Гегелем, который вбирает в свою философскую систему все истинное, что было понято до него. Подобный прием используется и при истолковании идеи человечества у О. Конта [18].

Можно задаться вопросом, действительно ли Соловьев считал диссертацию Чернышевского значительной работой в становлении «положительной» эстетики или же прояснение истинного содержания отдельных идей оппонента – это своего рода полемический прием, с помощью которого они превращаются в свою противоположность. Конечно, нельзя не допускать, что Соловьев действительно считал эстетические идеи Чернышевского значительными – но только как пройденный этап в истории «истинной эстетики». Если так, то эстетика Чернышевского в интерпретации Соловьева оказывается актуальной только в рамках философии всеединства. Понятно, что с такой оценкой своей эстетики Чернышевский вряд ли бы согласился.

Утверждая, что Чернышевский своей диссертацией способствовал развитию учения о прекрасном, Соловьев настаивал на том, что автор «Эстетических отношений...» не смог понять подлинного содержания своей работы. Другими словами, заслуга Чернышевского, согласно Соловьеву, заключается лишь в неосознанном разрешении основных вопросов эстетики. Очевидно, что такой вывод, формально признавая значение отдельных идей Чернышевского, на деле дискредитирует всю его философскую позицию в целом. И, вероятно, дело тут не в ироничном и несерьезном отношении Соловьева к Чернышевскому [2, с. 26], а в принципиальной несогласии с его антропологическим материализмом и материалистической эстетикой.

Таким образом, совпадение в эстетических воззрениях Соловьева и Чернышевского скорее формальное, чем содержательное. Понятие «жизнь», которое Соловьев отмечает у Чернышевского, понимается Чернышевским совсем иначе, чем оно трактуется в рамках «положительной» эстетики. Соловьев смотрит на теорию Чернышевского исключительно со своей точки зрения, будучи уверенным в том, что она истинная. Однако, будучи формальным, совпадение эстетических воззрений Соловьева и Чернышевского все-таки не является случайным. Это закономерный результат соответствующей интерпретации, смысл которой, конечно, не в том, чтобы прояснить содержание эстетики Чернышевского, и даже не в

том, чтобы констатировать наличие точек пересечения между противоположными философскими позициями, а в том, чтобы способствовать обоснованию собственных взглядов.

И сфера эстетики вообще, и философия Чернышевского в частности оказываются для Соловьева всего лишь средством для обоснования своей точки зрения в области онтологии. Попытка сделать чужие идеи «своими» – это не случайная, а вполне привычная и естественная для Соловьева форма философствования, предполагающая отнюдь не поиск возможных единомышленников, исходящих из других оснований, а, наоборот, их устранение.

Список литературы

1. Баженова А.А. Чернышевский и русская эстетическая мысль // Н.Г. Чернышевский и современность. М.: Наука, 1980. С. 277–288.
2. Бродский А.И. Владимир Соловьев. СПб.: Наука, 2016. 255 с.
3. Бычков В.В. Эстетика Владимира Соловьева как актуальная парадигма // История философии. № 4. М.: ИФ РАН, 1999. С. 3–43.
4. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Январь // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 5–36.
5. Ершова Л.С. К вопросу об эстетике природы В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2006. №1 (12). С. 82–89.
6. Ершова Л.С. Между классикой и современностью: категория «Безобразного» в эстетике В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2003. № 2 (7). С. 188–194.
7. Зорина Л.Н. Идея всеединства в философской эстетике Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2006. № 1 (12). С. 71–82.
8. Кантор В.К. «Срубленное древо жизни». Судьба Николая Чернышевского. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.
9. Коган Л.А. В.С. Соловьев и Н.Г. Чернышевский // Вопросы философии. 1973. № 11.
10. Кормин Н.А. Эстетическое пространство философии всеединства и феноменологии: трансцендентализм и творчество. М.: ИФ РАН, 2018. 127 с.
11. Короткина Е.А. Критический анализ эстетической концепции Вл. Соловьева: диссертация ... канд. филос. наук. М., 1977. 208 с.
12. Крохина Н.П. Проблема софийности искусства в эстетике Вл. Соловьева // Соловьевские исследования. 2001. № 3 (3). С. 152–165.
13. Мазаев А.И. Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма. М.: Наука, 1992. 326 с.
14. Матсар М. Соотношение эстетического и художественного в положительной эстетике Владимира Соловьева // Соловьевские исследования. 2006. № 1 (12). С. 89–100.
15. Писарев Д.И. Московские мыслители // Писарев Д.И. Сочинения: в 4 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. Т. 1. С. 274–319.
16. Плеханов Г.В. Эстетическая теория Н.Г. Чернышевского // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1958. Т. 5. С. 238–281.

17. Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1913. Т. 9. С. 265–274.
18. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 562–581.
19. Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 6. С. 33–74.
20. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 6. С. 75–90.
21. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 10 т. Изд. 2. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911–1914. Т. 7. С. 69–77.
22. Соловьев В.С. Словесность или истина? // Ницше: Pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 293–296.
23. Соловьев Г.А. Эстетические воззрения Чернышевского. Изд. 2, доп. М.: Художественная литература, 1978. 424 с.
24. Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 680 с.
25. Чернышевский Н.Г. Авторецензия // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 174–204.
26. Чернышевский Н.Г. Антропологический принцип в философии // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. С. 146–229.
27. Чернышевский Н.Г. Полемические красоты // Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7. С. 707–774.
28. Чернышевский Н.Г. Предисловие к третьему изданию // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 205–213.
29. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 1. С. 71–173.
30. Шпет Г.Г. Источники диссертации Чернышевского // Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: Российская политическая энциклопедия, 2009. С. 362–416.
31. Элен П. Божественная София в философско-богословском произведении В.С. Соловьева «La Russie et l'Église universelle» // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. №2 (6). С. 141–166.
32. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе: Очерки по философии и богословию. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. С. 3–91.

IS THE «SIMILARITY» BETWEEN THE AESTHETIC VIEWS OF V.S. SOLOVYOV AND N.G. CHERNYSHEVSKY A COINCIDENCE?

A.A. Chernykh^{1,2}

¹ Saint Petersburg University of Economics, Saint Petersburg

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

The question of similarity of aesthetic theories of V.S. Solovyov and N.G. Chernyshevsky is considered. It is noted that the aesthetic views of Solovyov and Chernyshevsky have been studied in detail in scientific literature, but the question of the basis of similarities in their views has not been exhausted. The historical and philosophical reconstruction of the thinkers' views is carried out, their interrelations and evaluation of each other's doctrines are analyzed. The category «life» as an ontological and aesthetic concept is considered, on the basis of which it is possible to compare the aesthetic views of Russian philosophers. Solovyov's philosophy is considered as a religious dualism, within the framework of which human creativity is subordinated to the absolute, and Chernyshevsky's philosophy is considered as a materialistic monism, within the framework of which the freedom of human creativity is justified, agreeing with determinism. The peculiar method of Solovyov's criticism of his opponents is noted, which involves finding the true content in their concepts, which in the end is opposed to the whole system of their views as a whole. This method was used by Solovyov to criticise O. Comte's positivism, F. Nietzsche's concept of the superman, etc., and it was also used to criticise Chernyshevsky's materialist aesthetics. It is concluded that Solovyov recognises the value of certain ideas of Chernyshevsky's aesthetic theory only as a stage in the development of «true aesthetics», which is grounded in the philosophy of vseedinstvo. It is concluded that the similarity between the aesthetic views of Chernyshevsky and Solovyov is formal, but it is not accidental, since the thesis of the coincidence of their views is the result of an appropriate interpretation made by Solovyov in order to thereby better substantiate the truth of his own views.

Keywords: *Russian philosophy, V.S. Solovyov, beauty, beautiful, all-unity, dualism, N.G. Chernyshevsky, judgment of reality, interest of mankind, monism.*

Об авторе:

ЧЕРНЫХ Андрей Александрович – ассистент, специалист по УМР кафедры общественных наук ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург. E-mail: deusdrus@yandex.ru; аспирант Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург. E-mail: st086103@student.spbu.ru

Author Information:

CHERNYKH Andrey Alexandrovich – Assistant, UMR Specialist, Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg. E-mail: deusdrus@yandex.ru; PhD student, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University, St. Petersburg. E-mail: st086103@student.spbu.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.10.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 16.11.2023.